

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

Потамская Вера Павловна,

к.ф.н., старший преподаватель кафедры медиатехнологий

и связей с общественностью,

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,

г. Тверь

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Д. ЛАКАПРЫ:

ТРАВМА И НАРРАТИВ¹

Аннотация. По мнению Д. ЛаКапры, лингвистический поворот подразумевает обозначение практик во всех сложных и взаимодействующих формах. В центре внимания Д. ЛаКапры находится феномен травмы, позволяющий радикально преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации значений и тем исследования.

Ключевые слова: интеллектуальная история, травма, прорабатывание, нарратив, лингвистический поворот, память

Одним из наиболее влиятельных представителей интеллектуальной истории является Доминик ЛаКапра. Развитие данного направления научной мысли связано с теоретическими поисками, конституированием исследовательских полей, изучением интеллектуальной деятельности в ее социокультурном контексте. Особое внимание Д. ЛаКапра уделяет проблеме переформулирования взаимоотношений между текстами и их контекстами, значимости используемого языка: «Интеллектуальная история... это история использования языка, конституирующего значимые тексты» [4].

Д. ЛаКапру относят к лингвистическому повороту, но он никогда не рассматривал данное явление в терминах буквального пантекстуализма, а подразумевал под ним обозначение практик во всех сложных и взаимодействующих формах [6, р. 195]. Более того, по его мнению, лингвистический поворот

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX–начала XXI века» № 17-33-00047

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

не должен отождествляться с нарративным поворотом, хотя повествование является значимой социальной практикой, требующей тщательного исследования. Сведение всего лингвистического поворота к нарративному, и истолкование повествования как основного приема человеческого разума является, по мнению Д. ЛаКапры, достаточно спорным. Еще более сомнительна попытка сведения ненарративных жанров (эссе, лирики, статистического анализа, полемики, пародии, сатиры, диалога) к нарративу как мнимому предтексту. Подобные утверждения основываются на чересчур общем понятии нарратива [ibid, p. 220].

В фокусе внимания Д. ЛаКапры находятся проблемы понимания и репрезентации исторических событий постсекулярного общества. Центральным понятием его философии является категория травмы – одна из наиболее значительных, и в тоже время противоречивых областей в психоанализе, истории, критической теории. Д. ЛаКапра предполагает, что травма позволяет радикально преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации значений и тем исследования.

В культуре XX в. травма существует в модусе множественности, сочетая в себе, по мнению Д. ЛаКапры, структурное отсутствие (absence) и исторические утраты (loss). Философ не рассматривает утрату – отсутствие как бинарные оппозиции, но провозглашает необходимость их разграничения. Отсутствие и утрата не образуют бинарность, в которой оппозицией отсутствия является присутствие, а утраты – приобретение. Присутствие часто идентифицируется или коррелирует с приобретением, и присутствие/приобретение, в целом, могут быть бинарной оппозицией для отсутствия/утраты. Тем не менее, при исследовании травмы, проблема, которая не может быть сформулирована в бинарных терминах, дает возможность для взаимодействия и расширяет исследовательское поле. Наиболее сложным вопросом в этом случае будет поиск критериев дифференциации, которые не будут функционировать как бинарные или явные дихотомии [5, p. 700]. В случае смешения отсутствия

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

и утраты происходит меланхолический паралич или маниакальное возбуждение, и в этом случае значение и сила определенных исторических потерь могут быть ошибочно обобщены. Более того, смешение утраты и отсутствия способствует присвоению травм теми, кто не был им подвержен [ibid, p. 712].

Идентификация отсутствия, по мнению Д. ЛаКапры, необходима, поскольку это открывает возможности и стимулирует поиск способов работы с исследуемыми проблемами. К примеру, отсутствие рая отличается от утраты рая. В этом случае, рай не может быть рассмотрен как уничтоженный только для того, чтобы быть восстановленным в надеждах, апокалиптическом будущем или возвышенной утопии, которые принесут тотальное обновление, спасение или искупление. При отсутствии рая как категории, каждый должен обратиться к иным, неискупительным способам, которые не опустошают прошлое и не обезличивают будущее. Признание и утверждение отсутствия требует признания неясной природы окончательных решений и тревоги, которая не может быть исключена из самосознания или спроецирована на других [ibid, p. 706]. Более того, отсутствие как фундаментальный уровень не может быть просто выведен из частных исторических утрат.

Отсутствие представляет собой трансисторическую категорию и обычно абстрактно; это то, что никогда не существовало, отсутствие самой возможности для возникновения потенциальной утраты. В этом трансисторическом смысле отсутствие событием не является, равно как и не подразумевает под собой темпоральности. Отсутствие, по словам Д. ЛаКапры, – это отсутствие абсолюта, который не может сам по себе быть абсолютизирован и фетишизирован. Утрата ассоциируется Д. ЛаКапррой с историческим уровнем, выступая как последовательность определенных событий. Сущность утраты варьируется в зависимости от сущности событий и ответов на их вызовы. Утрата – это специфическая, материальная, прослеживаемая категория, которая может быть ассоциирована с историческим событием, к примеру, со смертью члена семьи на индивидуальном уровне, и с Холокостом в широком контексте.

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

Утрата являет собой панораму потерь, которые могут быть нарративизированы, реконфигурированы и транслированы в настоящее или будущее [2, с. 162].

По мнению Д. ЛаКапры, при нарративизации отсутствие обычно отождествляется с утратой. Структура конвенционального нарратива, связанного с травмой, обыкновенно представляется следующей. Началом является предполагаемый исток, то, что конструируется как вариант полного присутствия, невинности или нетронутости. Серединой нарратива является утрата первоначального состояния в результате испытаний, несчастий, а окончанием – восстановление данного состояния, по крайней мере, на уровне глубинного понимания [5, р. 703].

Говоря о возможности нарративизации травмы, Д. ЛаКапра, как и У. Сантнер, указывает на господство нарративного фетишизма относительно феномена травмы. Нарративный фетишизм подразумевает под собой конструирование и развертывание повествования в целях нивелирования следов травмы или утраты. В границах нарративного фетишизма на первый план выходит именно нарратив и его конституирование как целостности. Нарративный фетишизм включает в себя неспособность или отказ скорбеть о травмирующих событиях, повторение неотрефлексированного травматического опыта, который замещается набором речевых артефактов. Это, скорее, реализация попытки свести проработку травмы к истории травмы, т.е. к повествованию об утрате и потере [3, с. 392]. У. Сантнер противопоставляет такие ответы на утрату как нарративный фетишизм и скорбь, указывая, что «работа скорби – это процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах... процесс, включающий в себя определенным образом ритуализированную связь между языком и молчанием» [там же, с. 392]. Д. ЛаКапра не столь категоричен относительно данной проблемы. По его мнению, тексты содержат мощный перформативный потенциал для

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

читателя и автора. Отрицая наличие универсального способа постижения прошлого, он выступает за привлечение широкого круга теоретических моделей и стратегий, в том числе идей нарративного поворота, достижений психоанализа и эстетической теории.

Более предпочтительными небинарными процессами переживания травмы выступают «проигрывание» (acting out) и «прорабатывание» (working through), которые являются двумя взаимосвязанными, но аналитически различимыми процессами ответа на утрату или историческую травму. Проигрывание выражается в стремлении к навязчивому повторению. Люди, подверженные такому типу травмы, стремятся возродить прошлое к существованию в настоящем. Другими словами, субъект вновь переживает событие, включая себя как другого в прошлое. «Прорабатывание» выражается в стремлении создать разграничение между прошлым, настоящим и будущим. Само понятие прорабатывания Д. ЛаКапра заимствует у З. Фрейда (durcharbeiten). Предлагаемый концепт «прорабатывания» как напряжения между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями призван, выстраивая дистанцию, препятствовать некритическому воспроизведению «травматического опыта» события [1, с. 36]. Исследователь пытается достичь некоего критического отрыва от прошлого, но это не означает, что он совершенно преодолел прошлое. Прорабатывание травм ведет к их осознанию и смягчению – «примирению» с прошлым. Речь идет не о полном избавлении от травмирующего груза истории, но о существенном смягчении травмы и ее воздействия в настоящем и будущем. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры неразрывно связана с психоанализом именно через этот акцент на «проработку» травм, нанесенных историческими событиями [там же, с. 37].

Д. ЛаКапра рассматривает скорбь как форму прорабатывания, а меланхолию как форму проигрывания, следуя за фрейдистскими характеристиками, по сути, противопоставляющими меланхолию и скорбь. Меланхолия менее связана с внешним миром, и ведет к постоянному самокопанию или неустан-

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

ному самобичеванию. Скорбь преодолевается и проходит с течением времени. Именно скорбь дает возможность для включения травмы в процессы самоосмысления и самоидентификации, подразумевая иное изменение перформативности: связь с прошлым, в котором признается его отличность от настоящего. Даже если травма не может быть полностью преодолена, она может быть нейтрализована попытками проработать проблемы, скорбью о жертвах прошлого. Исследователь в ходе прорабатывания пытается достичь некоего критического отрыва от прошлого, но это не означает, что он совершенно преодолел прошлое. В ходе интерпретации произошедшего он должен стремиться проработать комплексную позицию, которая не просто идентифицируется с той или иной позицией участника. Он должен представить способы преодоления целого комплекса взаимосвязей, определяемых сетью: преступник-коллорационист-жертва-свидетель-сопротивляющийся. Данные различия артикулируют сеть взаимосвязанных субъектных позиций, которые постигаются эмпирически, тщательно анализируются и направлены на то, чтобы преодолеть их на практике. Целью этого преодоления будет создание трансформированной сети взаимосвязей, которые создают возможность для различных субъектных позиций и типов действия. Проработка прошлого является процессом и подразумевает неокончательное закрытие, но повторяющуюся переменную попытку связать точную, критическую работу памяти с требованиями желаемого действия в настоящем.

С позиции прорабатывания, по мнению Д. ЛаКапры, представляется важным различать структурную травму и историческую травму. Структурная травма является скорее условиями возможности, которые генерируют потенциал для травмы и эмпирические формы исторической травмы. Структурная травма выражается множественными путями (первородный грех как следствие падения в разрыв первичного нарциссизма, вступление в символическое и столкновение с реальным Лакана), а ее субъектом являются все.

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

Структурная травма не может быть излечена или преодолена и может только проживаться различными путями [5, p. 722].

Историческая травма является специфической, следовательно, не каждый человек является ее субъектом. Она соотносится с конкретными историческими событиями, значительными утратами и потерями. Примером подобного может Холокост, апартеид, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Подобная травма может выступать в качестве основы для формирования коллективной или персональной идентичности [ibid, p. 724].

Итак, интеллектуальная история Д. ЛаКапры неразрывно связана с категорией травмы. Задача историка заключается в объяснении того, какую роль играет травма в ходе человеческого развития, как индивидуального, так и коллективного. Говоря об определенной степени ограниченности исключительно нарративного подхода, Д. ЛаКапра демонстрирует возможность использования психоанализа в границах поля исторического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // *Диалог со временем*. – 2011. – Вып. 34. – С. 31–44.
2. Потамская В.П. Философия Д. ЛаКапры: основные понятия и категории // *Вестник Тверского государственного университета. Серия "Философия"*. – 2018. – № 2. – С. 157–164.
3. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // *Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина*. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 389–407.
4. Clark E. A. *History, Theory, Text: historian and the linguistic turn*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. [Electronic resource]. Kindle edition.
5. LaCapra D. *Trauma, Absence, Loss* // *Critical Inquiry*. Vol. 25, No. 4. P. 696–727.
6. LaCapra D. *Tropisms of Intellectual History* // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 190–224.